

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Маргерита Де Микиель

Если не за границу (за одну границу),
то по всему за край свету – России.
(М. Цветаева, *Наталья Гончарова*)

*Il paesaggio che si riveli ad ogni respiro è disperso
...si profilano tutto attorno orli di separazione
l'addio si sparse in rottami in luoghi stremati dal nome.*
(Т. Scialoia, *Geografia*)

„*Вещь есть пространство, вне / коего вещи нет*”: в этом двустийшии Бродского, образцово замысленном и в своей „визуальной” конструкции, маркирующей страницу беспреколовным, дерзким изгибанием, в этих же стихах, не случайно встречающихся на страницах нашего альманаха, заключается, возможно, смысл всего сборника в целом. Ведь это не только предмет – „вещь” поэта или прозаика, который не существует вне пространства, но и само пространство, которое становится „мыслимым” – и, следовательно, культурно воспринимаемым – только по отношению к предмету, который в нём размещается; а неизбежно, добавим, и по отношению к субъекту – иногда скрытому, но всегда имплицитно присутствующему, для которого эта „вещь” – или её отсутствие – приобретает значение. Культурное пространство никогда не является чистым *кругозором*, как хорошо знал М.М. Бахтин; оно всегда является, так или иначе, и *окружением*: местом „ответственности”, вовлеченным в процесс осмысления предметного мира.

От далёкой гипотезы Сапира-Уорфа до гамлетовского облака Л. Ельмслева язык сам по себе является, прежде всего, *границей*: главным „орудием” категоризации мира. Из того, как язык первично подразделяет мир географический, *то есть* культурный, истекают и последующие культурные подразделения: идея гео-культурных стратификаций подразумевает, таким образом, как идею „серийной” конструкции культуры, по параллельным последовательным рядам, так и идею более сложных и гибких переплетений её границ, переопределяющихся во времени. В этом смысле, как нам представляется, на-

звание сборника указывает на двойной ряд (*sic*) семиотических „искушений”.

„Художественный текст и соседние культурные ряды” – гласит первая часть сборника. От раннего определения Тынянова до более сложного постулирования – предложенного тартуской школой – иерархической организации разных вторичных моделирующих систем в рамках общего „текста культуры”, идея „культурного ряда” пересекает всю семиотическую историю нашего столетия. Собранные здесь тексты явно показывают разные коннотации, которые приняло это понятие на протяжении своего многолетнего существования. Наряду с анализом обычных корреляций между „литературным” и „соседними” культурными рядами – речь идёт как о „синкретических” рядах, так и о соотношениях между литературой и живописью, между визуальной и повествовательной парадигмами, а также, конечно, между литературой и *бытом* (областью соотношения с „внелитературным” *par excellence*) – обнаруживается здесь и попытка расширения самого понятия „ряда” – попытка, выделяющая новые „пограничные зоны” для новых возможностей корреляции между разными (в том числе и новыми) рядами.

После утверждения „произвольности” и „линейности” языка, столь функционально необходимого семиологам первого поколения, в учении о языке (о языках) вновь проявляется, как видно из этих статей, необходимость восстановления существенной „гибкости” языка, её *эластичности*: „растяжимости” означающего по отношению к означаемому, истекающей из высших возможностей организации форм плана выражения по отношению к формам плана содержания. Эта „чуткость” языка, её широкая применимость, и открывает новые возможности для сопоставления не только разных культурных, но и разных лингвистических рядов (см. работу М. Гаспарова); она же поддерживает анализ эллиптичностей и непоследовательностей текста – сдвигов поэтических тектонических масс в преломленном, кубистском, словно живописном пространстве слов и словосочетаний; позволяет обогащение отдельного текстуального объёма разнообразной композиционной стратегией; оправдывает и саму постановку семиотической проблемы истолкования плюрикодифицированного пространства и выбора эрменевтических – визуальных или повествователь-

ных – истолковательных парадигм. Конечно, любой интертекстуальный подход становится полностью оправданным лишь при осознании того, что сама возможность сопоставления разных „рядов” – разных *семиотик* могли бы мы сказать *tout court* – основывается на метафоре: то есть, с точки зрения *алефической*, на *лжи*. Только признание как существенной схожести, так и существенной разницы между знаковыми системами позволяет их взаимное сближение равно как и их взаимное обогащение.

Проблема изоморфизма между разными культурными рядами очередной раз привлекает наше (семиотическое) внимание к ключевому вопросу, более или менее имплицитно поставленному и на страницах альманаха – к вопросу *перевода*: перевода в прямом смысле, конечно (перевода *интерлингвистического* по Якобсону, т.е. интерпретации вербальных знаков одного языка знаками другого языка), но также и перевода интралингвистического (интерпретации вербальных знаков другими знаками того же языка) и, что особенно нас интересует в данной перспективе, перевода между разными знаковыми системами (перевода *интерсемиотического* или *трансмутации*, опять-же по Якобсону: интерпретации вербальных знаков невербальными знаковыми системами). И неизбежно ставит, добавим, существенный теоретический вопрос (по Торопу) *тотального* перевода, как (перефразируя Бахтина) „философии перевода *ответственного*”: т.е. возможной теории перевода, понимаемой не столько как области применения оределённых семиотик, сколько как области разработки *общей* семиотики; теории не перевода, а скорее *переводимости*, как „независимой интердисциплины”, на которую принципиально опирается семиотическое сознание нашей современности.

Это восстановление разных измерений языка, это упоминание её плотности, её аппликативной *ширины*, открывает новые области для встречи разных языков. Впрочем, как уже указано, с давних пор раннего структурализма – особенно в ельмслевском исполнении, когда открыто настаивалось на „геологической аллегории”, на „языковой тектонике”, основанной на интер- и интра-слойных соотношениях –, сама идея стратификации присуща языку. Ведь не только на поверхности, но и в их общей сложной многомерности пути смыслообразования приобретают геологическую глубину. Это и объясняет то рас-

ширение семиотического подхода, то „органистическое” направление, которое осуществилось, как известно, преодолением сугубо механистических позиций определённых течений в структурализме путём признания существования „семиосферы”: семиотического *пространства* (в знаменитом лотмановском определении), вне которого невозможно само существование семиозиса. Пространство семиотическое, в пределе своём (как здесь же подсказывается) становится и пространством духовным: не ограничиваясь, таким образом, застывшей системой абстрактных корреляций, а являясь и вполне полноправным живым условием для развития человеческой мысли – явным отрицанием семиотического *асубъектного* истолковательного подхода.

Много воды, впрочем, текло с тех пор, как Лотман противопоставил средневековое чувство пространства современному, первым признав пространственность как возможный метаязык описания культурных моделей; и с тех пор, как он выбрал для конкретного опыта пространственного анализа бесконечность *Бесконечности* Леопарди: в которой пространство представляет собой уже не необходимое условие для изображения конкретных предметов, а предмет изображения сам по себе.

Вторая часть сборника, посвящённая отношениям между „художественным текстом” и „гео-культурными стратификациями” (или, проще, между „литературой” и „территорией”, как подсказывало название конференции, на которой эти доклады были прочитаны), показывает, в свою очередь, как развился метод исследования *пространственности* в рамках современных гуманитарных наук. Подобно тому, как геометрия живёт *разными* пространствами – эвклидовыми и перцептивными, аксиоматическими и аппликативными, язык тоже питается контекстуальной множественностью, в которой идея пространства, преодолев „референциальный обман” описания специфических географических мест, становится „территорией” для изучения новых теоретических областей.

И вот на страницах здесь представленных работ пространство превращается в „пространство поэзии”, противопоставленное „пространству города”: в пространство „поэзии в поэзии”, „города в городе”, в первобытное пространство творческой деятельности поэта. Оно становится простран-

ством поэтического текста и пространством текста литературоведческого – а также промежуточным пространством-лабиринтом их взаимного влияния. Оно осматривается как уже канонизированная география древних лингвистических памятников, но в то же время и в виде весьма реальных контуров современного пейзажа – и его гиперкодифицированного изображения, ставящего под сомнение саму правильность (сообразность) наших истолкований. Оно ускользает словно кинематографическая панорама транспортных средств, но замедляется как внутреннее переживание бродяги. Оно маскируется, наконец, пространством реальных городов – не всегда, однако, равно заслуживающих „почестей” литературности. Это всегда пространство, вовлекающее в себя зрителя-читателя, как идеального со-участника, поставленного перед необходимостью расшифровывать географические описания во всех символических значениях – и опознавать их в разных жанровых вариациях. Потому что литературное пространство, врываясь в географическое, искажает его координаты; потому что пространство, с которым мы должны считаться, это всегда пространство *культурное*.

Изучение соотношения между литературой и территорией не может, следовательно, отделяться, как уместно упоминает Локателли, от древнего мифа „читаемости мира”: и от мифа, более современного, его „(о)писуемости”. А речь заходит о соотношениях между разными художественными – культурными – рядами и рядом географическим – *тоже*, следовательно, культурным: и приводит к высшему уровню размышления, потому что напоминает о возможности литературной манипуляции географического пространства – манипуляции литературной, *то есть* идеологической, то есть аксиологической, *так как* культурной; и возвращает нас к вечной диалектике точки зрения и определения „своего” по отношению к „чужому”. Это вопрос, как настаивает Н. Каучишвили, особенно насущный – иногда и болезненный – в России: в стране, находящейся – со своими „птичьими полётами”, со своим „подпольем” – одновременно *в* и *вне* Европы – пограничном месте, по сути представляющем собой ярчайший пример философских (опять по Бахтину) *вчувствования/внезаходимости*. В очередной раз процитируем уже неоднократно цитируемого

Достоевского: „Неужели ж и в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей?”.

Таким образом, здесь предлагаются разнообразные истолковательные подходы, разнообразные направления исследования. Некоторые безусловно являются более плодотворными и позволяют самые разные теоретические разветвления, самые неожиданные повороты мысли. Другие, возможно, являются менее конструктивными, менее новаторскими с точки зрения методологии, но они тем не менее интересны и живительны в культурной многослойности своих предложений. А это знак того, что есть устойчивость в истории человеческой мысли, что существует какой-то культурный „долгий срок”, позволяющий укоренение новых теорий на основе старых исследовательских предпосылок. Ведь дисциплина дорога не только тем, что она является новой, а тем, что она новой *становится*.

Эти же статьи, следовательно, побуждают нас к размышлению над самим статусом теоретической мысли, лежащей в их основе: над статусом науки – семиотики, которая и по сей день атакуется с двух фронтов: метафизики и математической логики, которая слишком часто считается уже устаревшей, „неактуальной”: но которая, на самом деле – как убедительно доказывают страницы настоящего альманаха – представляет собой „сильное мышление”, сохраняющее весьма широкие оперативные и эвристические возможности. При условии, конечно, что не будет пропущено ни одно из потенциальных „отсутствующих звеньев”, обеспечивающих её последовательность и научную продуктивность: это звенья, связывающие эмпирическое описание с методом, метод с теорией и теорию с *эпистемологией*.

И далее. То разделяя свои объекты исследования, то осваивая новые области исследования, семиотика стремится к разработке новой теории обозначения – и не только *намеренного* человеческого общения, учитывающей не только естественные языки, но и все языки, употребляемые в человеческом обществе. Далекое не являясь уже просто методом рассмотрения „знака” – во всех его разновидностях, семиотика переопределяется сегодня как дисциплина „с научным призванием”, изучающая системы и процессы сигнификации. Если верно то, что она обладает и эмпирическим характером, основанным на описательной способности, исконно ей присущей, се-

миотика в то же время объявляет себя как дисциплина *фило-софская*, поскольку она оперирует и *образами мышления*, лежащими в основе текстов, которые она анализирует. Речь идёт уже не о статичном описании эмпирических данных, не об изысканной технике „обследования” уже готовых текстов, а скорее о „движении” мышления, позволяющем рассматривать теоретическую проблему, одновременно беря на себя и фило-софскую ответственность. Это теория – территория – всегда предполагающая – всегда требующая – *субъекта*. Ведь язык – каждый язык – не является средством простой медиации между объектом и субъектом: он есть и область их взаимного создания.

И вот тут пробивается новая брешь в „семиотической сети”, позволяющая увидеть поворот, который в последнее время приняло изучение вопросов сигнификации. Этот поворот является, однако, не эпистемологическим разрывом, а скорее попыткой совместить две разные стратегии, которые господствовали в нашем семиотическом веке: когнитивно-инференциальную модель Ч.С. Пирса и метафорическо-повествовательную модель А. Греймаса. Это новый „разворот” в семиотике, новый способ стратификации весьма сложной ткани наших попыток осмысления окружающего мира, который кладёт в свою основу существенный постулат: признание уместности измерения *пристрастия* в рамках теории обозначения. И это *пристрастие*, уже не противопоставляющееся всемогущему разуму, а с этим же разумом измеряющее свои силы, для создания того „поступка” в крайней степени „ответственного” (ссылка опять-же на Бахтина), каким является процесс смыслообразования. *Duhibeo*, „*duo habeo*” – отмечал в своих тетрадях Пирс: никто не переходит от одного знака к другому – никто не делает выводов в процессе бесконечного членения семиозиса – если предварительно он не *сомневается*. Сомнение – это познавательное колебание. Невозможно выбрать, если нет эпистемологического *пристрастия*.

Законное вмешательство эмоциональной сферы в рамки канонической семиотической модели сугубо референциальной и теоретической валентности – и вытекающий отсюда сдвиг к направлению уже не чисто когнитивному, а также эстетическому и *эстетическому* – могло бы, возможно, изменить во многом и старую истолковательную модель в применении к

русским культурным явлениям. Если верно то, как уже доказывал Лотман, что в каждом синхроническом срезе существуют культурные области непереводаемости, то верно и то, что непереводаемое представляет собой ценный источник информации для будущих областей переводаемости. Не существует ничего онтологически непереводаемого: существует только то, что в данный момент мы не способны перевести. Это наша семиотическая задача, которая вечно преодолевается и вечно обновляется. Меняется состояние языка. Меняется состояние познания. Меняется *статус* субъекта.

Наступило следовательно время, как нам кажется, примириться с этой высокой, благородной *идеей*. Возможно, в безмерности и необъятности её земли и её души, на самом деле умом Россию и не понять: но старая лотмановская модель разделения в разных культурах планов выражения от планов содержания не должна делать наш западный ум по определению чуждым всякой попытке разгадывания русской загадки. Благодаря переводам, мы все ближе и ближе подходим – а это уже *наше* желание – к исполнению желания поэта, перефразирующего Поэта: ведь уже давно пора... умом Россию понимать. Умом семиотическим, возможно: столь часто пристрастным, а сегодня, наконец, и правомерно *страстным*.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин, М. М.
1994 *Работы 1920-х годов*, Киев 1994.
1995 *Собрание сочинений*, т. V, Москва 1995.
- Якобсон, Р. О.
1987 *Работы по поэтике*, Москва 1987.
- Лотман, Ю. М.
1992-93 *Избранные статьи в трёх томах*, Таллинн 1993.
1997 *Внутри мыслящих миров*, Москва 1997.
- Тынянов, Ю. Н.
1993 *Литературный факт*, Москва 1993.

- Тороп, П. Х.
1993 *Тотальный перевод*, Тарту 1993.
- Цветаева, М. И.
1995 *Наталья Гончарова. (Жизнь и творчество)*, в: *Мой Пушкин*, Париж 1995.
- Fabrizi, P.
1996 *La svolta semiotica*, Bari 1996.
- Gruppo μ
1992 *Traité du signe visuel. Pour une rhétorique de l'image*, Paris 1992.
- Hjelmslev, L.
1987 *I fondamenti della teoria del linguaggio*, Torino 1987.
- Scialoja, T.
1997 *Le costellazioni*, Venezia 1997.
- Ulrich, M. (a cura di)
1997 *Tradurre. Un approccio multidisciplinare*, Torino 1997.